

Вера Образцова

Эволюция сравнений в творчестве Сергея Есенина

Studia Rossica Posnaniensia 14, 101-111

1980

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez **Muzeum Historii Polski** w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ВЕРА ОБРАЗЦОВА

Ленинград

ЭВОЛЮЦИЯ СРАВНЕНИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Хотя С. Есенин прошел короткий творческий путь, но это был путь стремительного творческого роста, сложный с идейно-эстетическими взлетами, мучительными срывами, бесконечными исканиями и блистательными находками. Изменялись и обновлялись тематика, образная система и речевые средства. Все это отразилось и на составе, сущности и формальной структуре его сравнений.

Заемствованный Есениным из художественного опыта народа способ конструирования образа осуществляется в дореволюционные годы преимущественно на материале, взятом из обихода сельской жизни, природы, крестьянского фольклора, религиозных источников. Этими источниками обусловлены все есенинские воплощения, наблюдаемые в его стихах, от самых простых сравнений до сложных метафорических превращений. Это создает определенный колорит его ранней поэзии, „лирическое чувствование“, которое развивается в кругу сельских ассоциаций.

Лирика дореволюционного Есенина интимна, лишена сложных философских и абстрактных размышлений и обращена к чувствам человека. Поэтому образ в ней конкретен, воплощается поэтом в звуках, красках, запахах. Есенинским пейзажам присущ изобразительный синкретизм. Именно в этих ранних стихотворениях преобладают сравнения, раскрывающие жизнь природы в ее естественном многообразии. Например:

Хорошо и тепло, как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечки.

(Вот уж вечер ...)

Тает, как радуга, зорька вечерняя;
С тихую радостью в сердце вечерня.

(Скупались звезды в невидимом бредe)

Эти сравнения создают впечатление полноты, подлинности изображаемого. Уже в дореволюционных стихах начинается перекличка образов, которая позже станет постоянной. Появляются так называемые сквозные образы: березка, клен, ива, месяц, колокольчик и бубенец, тройка. Народно-поэтическое твор-

чество, как отмечает П. С. Выходцев, стало для Есенина источником, „дающим возможность более глубоко раскрыть чувства и мысли человека”¹. В. Маяковский, высоко оценив творчество Есенина, называет его „подмастерьем народа — языкотворца”. Понимание поэтом эстетических качеств фольклора отразилось особенно в метафорических сравнениях, например:

Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидеть рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.
(Теперь любовь моя не та ...)

С. Есенин использует в преобразованном виде загадку:

Птица-юстрица ...
Крыльями машет,
А улететь не может².

Одним из распространенных приемов народного творчества является сравнение месяца с коромыслом. У Есенина это представлено в таком оригинальном сравнении:

Коромыслом серп двурогий
Плавно по небу скользит.
(Королева)

Поэт использовал загадки о месяце, почерпнутые им из различных источников:

Сивка море перескочил,
Да копыт не замочил.
Лысый мерин через синее
Прясло глядит.

К народной примете: сорока кричит — гостей созывает — восходит образ есенинского сравнения:

Заливались веселые птахи,
Крапал брызгами поп из горстей.
Стрекотуньи-сороки, как свахи,
Накликали дождливых гостей
(Заглушила засуха засевки ...)

Так на основе фольклорного материала у поэта создаются оригинальные образы сравнений. Сам Есенин признавал решающую роль народной образности для своего творчества. Он писал: „Не я выдумал этот образ, он был и есть основа русского духа и глаза, но я первый развил его и положил основным камнем в своих стихах”³. Однако в поэзии Е. Есенина много сравнений, кото-

¹ П. С. Выходцев, *Творчество С. Есенина и народно-поэтические традиции*. В кн.: Русская советская поэзия и народное творчество, Москва — Ленинград 1963, стр. 221.

² *Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач*, сост. Д. Садовников, Санкт-Петербург 1875.

³ С. Есенин, *Собрание сочинений*, т. 5, Москва 1961 - 1962, стр. 79.

рым невозможно отыскать параллелей ни в одном сборнике загадок, например: „Осень — рыжая кобыла — чешет гриву”. В одной строчке поэт дает целую картину. Перед нами разгар осени. Осенью деревья, теряющие красно-желтую листву, напоминают поэту гривы рыжих лошадей. В этом описании метафора создана по типу загадки. Если отбросить слово „осень”, то останется часть, которая может бытовать как загадка („рыжая кобыла чешет гриву”).

Под влиянием народных загадок Есенин усвоил принципы построения образа, основанного на такой метафоре, при которой отвлеченные понятия и явления, сближаясь между собой, познаются через более конкретное, и наоборот. Говоря словами поэта — это путь создания „образов двойного зренья”. Об этом же он пишет в *Ключах Марии*: „Образ заставочный есть, так же как и метафора, уподобление одного предмета другому или крещение воздуха именами близких нам предметов: солнце—колесо, телец, заяц; тучи—ели, доски, корабли; звезды—гвозди, зерна, краски; дождей—стрелы, посев, нитки; радуга—лук, верста, дуга и т. д.⁴ Таких образов у Есенина очень много. К приведенным самим поэтом можно добавить: месяц — всадник унылый; месяц — рыжий гусь; закат — красный лебедь и др.

В этот ранний период творчества между Есениным и Н. Клюевым завязывается большая дружба на основе творческой близости. Есенина привлекает образность и лиризм ранней поэзии Клюева; он с величайшим удовольствием читал клюевские сборники *Сосен перезвон* и *Избяные песни*. Клюевские образы: тучи-кони, туча-ель, месяц-рог олений близки и Есенину. Как справедливо отмечает П. Юшин, совпадения, имеющиеся в стихах Есенина и Клюева, объясняются не заимствованиями, а единством источников творчества, психологии и мировоззрения⁵. Одним из важных источников образности у Есенина в предреволюционный период является религиозная символика. Природа, ранее изображавшаяся поэтом в ее естественном многообразии, теперь окрашивается в религиозные тона, например:

Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.

(*Чую радунцу божью ...*)

Не ветры осыпают пуши,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой пуши
Струятся звездные псалмы

(*Не ветры осыпают пуши ...*)

Позднее Есенин поймет, что Клюев, несмотря на свою талантливость, застыл в молитвенном созерцании Руси, что клюевская поэзия — это только воспевание домовитой мужицкой старины, хотя он искренне и приветствовал революцию и в ряде стихов воспевал наступление новой эры (*Красная песня*,

⁴ Там же, стр. 45.

⁵ П. Юшин, *Сергей Есенин. Идеино-творческая эволюция*, Москва 1969, стр. 135.

Крестьянская марсельеза, Товарищу), но вскоре отказался от этой темы в силу непонимания им сущности революции.

Под влиянием Клюева в поэзию Есенина проникают нотки обожевления мужика, хозяина вселенной. Однако даже в пределах деревенской темы Есенин создал свой особый мир отличный от клюевского. Есенин был по существу первооткрывателем анимистического жанра в русской поэзии. Его великолепные стихотворения: *Песнь о собаке, Корова, Лисица, Лебедушка* не имеют совершенно ничего с клюевским мистицизмом. Так, например, в стихотворении *Песнь о собаке* внутреннее состояние собаки-матери передается такими реалистическими сравнениями:

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.
В синюю высь звонко глядела она скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.
И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

(*Песнь о собаке*)

В последнем сравнении поэт проводит интересную параллель между явлением, которое в народе называют „падающими звездами”, и психологическим состоянием животного. „Падающие звезды” — явление, обычно наблюдаемое летом, зимой же это редкое явление. Сравнивая слезы собаки, падающие в снег, со звездами, Есенин с пронзительной жалостью дает понять, что это скупые слезы, но полные горечи, обиды, тоски.

Позднее Есенин выделит трех поэтов, оказавших влияние на его поэтику: „Белый дал мне много в смысле формы, а Блок и Клюев научили меня лиричности”⁶. В дореволюционной поэзии не только много блоковских интонаций и ритмов, но и мотивов. Уже в этот период творчества (1915 - 1916 гг.) на смену клюевской благочестивости приходит тема Руси бродяжнической, мятежной, идущая от Александра Блока. Обращаясь к Родине, поэт пишет:

И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.
Но и тебе из синей шири

⁶ С. Есенин, *Собрание сочинений*, т. 5 ..., стр. 22.

Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта.
(*За темной прядью перелесц...*)

Судьбы поэта и Родины слились воедино. Блок помог открыть то, чем могла стать в лирике затасанная, любимая есенинская тема — тема Родины. Взволнованная дума о Родине, запуганной, тоскующей, выдвигается на первый план. Изменяется весь тон и настроенность стихов: исчезают светлые краски, все окрашивается грустью и тревогой.

Революция дала Есенину возможность по-новому ощутить связь с народом, дала новую социальную тематику. О себе поэт писал, что если бы не Октябрьская революция, то он бы и „засох на никому не нужной религиозной символике”. Если А. Блок уже был духовно подготовлен к Октябрьской революции, ждал ее, открыто и ясно определил свою позицию революционного поэта-трибуна:

Так звени стрелой в тумане .
Гневный стих и гневный вздох ...⁷

то Есенин иначе, чем Блок, воспринял Октябрьскую революцию, что не могло не найти отражения в его стихотворениях этих лет. Понимая революционные преобразования как осуществление близких ему идей патриархального социализма, поэт пишет:

Труби, мычи коровой,
Реви телком громов.
(*О, Родина!* ...)

Сравнения этих лет тяжеловесны, конкретные поэтические образы уступили место буйной религиозно-мистической символике:

Свечкой чисточетверговой
Над тобой горой звезда.
(*Серебристая дорога...*)

Сравнение звезды со свечкой не ново в творчестве поэта, но эпитет „свечка чисточетверговая” придает сравнению новый смысл, связанный с религиозной символикой: чистый четверг — религиозный праздник. Поэт принимал лишь ту революцию, которую он сам создал в своем сознании: встревоженное восприятие ее с религиозно-мистическим уклоном, конечно, далеко от истинного облика революции, например:

Листьями звезды льются
В реки на наших полях.
(*Небесный барабанчик...*)

⁷ А. Блок, *Собрание сочинений в восьми томах*, т. 3, Москва — Ленинград 1960, стр. 373.

Сравнив звезды с листьями, падающими осенней порой, сблизив „землю” и „небеса”, поэт революцию определяет как рай не только на небесах, но и на земле.

Грозовой расплескались вьюгою
От плечей моих восемь крыл.
(Инония)

В данном сравнении религиозная символика затрудняет понимание смысла. Но даже в космических поэмах *Преображение*, *Инония*, наряду с религиозными библейскими образами, поэт создает реалистические, в основе которых лежит принцип конструирования образа, сложившийся еще в раннем творчестве, например:

Солнце, как кошка
С небесной вербы
Лапкою золотою
Трогает мои волоса.
(Преображение)

Кто-то с новой верой
Без креста и мук
Натянул на небе
Радугу, как лук.
(Инония)

С 1919 года под влиянием имажинизма в поэзии Есенина появляются сравнения, в которых образ создается ради самого образа, слишком вычурно, например:

Другой в тебе меня заглушит
Не потому ли — в лад речам —
Мои рыдающие уши,
Как весла, плещут по плечам.
(Прощание с Мариенгофом)

Я нарочно иду нечесанным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах.
(Исповедь хулигана)

Башка моя, словно август,
Льется бурливых волос вином.
(Исповедь хулигана)

Даже солнце мерзнет, как лужа,
Которую напрудил мерин.
(Кобылы корабли)

Сближение высокого и низкого — эстетический принцип в творчестве поэта этого периода. Нарочитый, подчеркнутый антиэстетизм прикрывал у имажинистов аполитичность поэзии. Имажинисты, бурно утверждая значимость образа, нередко приходили к утрате самого главного в искусстве — эмоционально-смысловой выразительности. „Слово требует освобождения от идей [...], — про-

возглашал В. Шершеневич, один из активных имажинистов, — поедание образом смысла — вот путь развития поэтического слова”⁸.

Есенина привлекло в имажинизме конструирование оригинальных образов, поэтому произведения этих лет изобилуют большим количеством метафор и метафорических сравнений, которые затрудняют их восприятие. К таким произведениям относятся *Пантократор*, *Кобылы корабли*. Влияние имажинистской поэзии сказалось и на поэме *Пугачев*, например:

Отчего глаза твои, как два цепных кобеля
Беспокойно ворочаются в соленой влаге?
Клещи рассвета в небесах
Из пасти темноты
Выдергивают звезды, словно зубы,
А мне еще нигде вздремнуть не удалось.

Так о рассвете говорит Пугачев, столь же вычурно выражается и сторож:

Ну что я вижу?
Колокол луны скатился ниже,
Он, словно яблоко увянувшее, мал.

Эта поэма, отличающаяся перенасыщенностью образами, — дань имажинизму. Для поэзии этого периода характерна глубокая безысходная грусть. Общий тон поэзии Есенина, отражающий начавшийся духовный кризис поэта, мрачен. Однако поэт вскоре осознал беспринципность и беспочвенность этой поэтической группировки. „Собратья мои, — констатировал он, — увлеклись зрительной фигуральностью словесной формы, им кажется, что слова и образ это уже все. Но да простят мне собратья, если я им скажу, что такой подход к искусству слишком несерьезный [...] Нет слова беспредметного бестелесного и оно так же неотъемлемо от бытия, как и все многорукое и многоглавое хозяйство искусства”⁹. Позднее поэт писал: „Имажинизм был формальной школой, которую мы хотели утвердить. Но эта школа не имела под собой почвы и умерла сама собой, оставив правду за органическим образом”¹⁰. В этом признании отражается эстетическая позиция художника.

„Образотворчество” имажинистов не могло удовлетворить Есенина и надолго привлечь его внимание. Близость к имажинизму была больше внешней, чем внутренней. „Прежде всего, — писал поэт в одной из автобиографий, — я люблю выявление органического. Искусство для меня не затейливость узоров, а самое необходимое слово того языка, которым я хочу себя выразить”¹¹.

В последнем варианте *Черного человека* сохранилась еще та образность, от которой откажется поздний Есенин, например:

⁸ В. Шершеневич, *2 × 2 = 5. Листы имажиниста*, Москва 1920, стр. 43.

⁹ С. Есенин, *Собрание сочинений*, т. 5, стр. 55, 57.

¹⁰ Там же, стр. 22.

¹¹ Там же, стр. 18.

Голова моя машет ушами,
как крыльями птица.

Лирические стихотворения, созданные Есениным в 1923 - 1924 годы, отличаются глубоким внутренним единством. В лирике этого периода душевное движение, развитие переживания становится композиционным принципом. Пейзаж исчезает. Поэзия приобретает ясность, простоту. Постепенно поэт избавляется от кричащих, броских и внешне эффектных сравнений. Наряду с другими образными средствами сравнение нередко применяется Есениным для передачи психологического состояния человека.

Письмо матери (1924) — исповедь сына перед матерью. Все средства художественного выражения в этом стихотворении слиты воедино. И все-таки можно выделить основное: исповедь поэта не только перед матерью, но и перед самим собой и временем. Сравнение во времени — вот на чем построено все стихотворение. Зачин дается кратким сравнением: одно и то же. Оно придает всему стихотворению своеобразное, как это ни парадоксально, временное движение. Сравнения в данном стихотворении оказывают влияние на развитие лирической темы, подчинены ей. Отзвук пушкинского стихотворения *К няне* слышен в *Письме матери*. В поэзию Есенина все глубже проникают мотивы поэзии Пушкина, к которому особенно в эти годы тянуло поэта. С большой любовью пишет о нем Есенин в *Письме к сестре*:

(Александр) Такой прекрасный и такой далекий
Но все же близкий,
Как цветущий сад!

В стихотворении *Ответ* (1924) революция, переживания лирического героя, природа даны в синтезе, что является характерной чертой для поэзии Есенина последних лет его жизни. В этом стихотворении показано верное понимание того нового, что принесла Октябрьская революция, но вместе с тем стихотворение окрашено пессимистическими нотками. Грустные раздумья поэта находят воплощение в метели. И опять перед нами возникает цепь сравнений, которые несут большую смысловую нагрузку:

Ну как заснуть в метель? ...
Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И — что тебя хоронят
Как будто тысяча
Гнусавейших дьячков,
Поет она плакидой —
Сволочь-вьюга!
И снег ложится
Вроде пяточков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга!

Если раньше Есенин подчеркивал в стальном коне бездушие, воспринимал его как олицетворение гибели деревенского уклада жизни, то теперь в *Письме к деду* (1924) оживляет его:

Ах, что за лошадь,
 Что за лошадь паровоз! ...
 И дым над ней, как грива, —
 Черен, густ и четок.

Выражая свое новое отношение к проникновению индустрии в деревню, поэт вместе с тем с грустной иронией отмечает:

Такую б гриву
 Вашему коню, —
 То сколько б вышло
 Разных швабр и щеток!

В последнем стихе сравнением подчеркивается отношение поэта к новой жизни, на путь которой он осмысленно вступил:

Поймешь и то,
 Что я ушел недаром
 Туда, где бег
 Быстрее, чем полет.
 В стране, объятай вьюгой
 И пожаром,
 Плохую лошадь
 Вор не уведет.

В 1924 году Есенин создает стихотворения *Метель* и *Весна* — программные стихотворения этих лет. В них опять поднята тема о роли поэта в социалистическом обществе. В стихотворении *Метель* звучат нотки душевного надрыва, поэтому все стихотворение окрашено мрачными красками. Душевные переживания поэта передаются такими сравнениями:

А за окном
 Протяжный ветер рыдает,
 Как будто чуж
 Близость похорон,
 Облезлый клен
 Своей верхушкой черной
 Гнусавит хрипло
 В небо о былом.
 Какой он клен?
 Он просто столб позорный —
 На нем бы вешать
 Иль отдать на слом....
 Визжит метель,
 Как будто бы кабан,
 Которого зарезать собрались ...

Оглохший кот
Внимает той беседе ...
Недаром говорят
Пугливые соседи,
Что он похож
На черную сову.

Грустные размышления сменяются новыми, овеянными радостью новой жизни, в стихотворении *Весна*. Это „новое” раскрывается поэтом сравнениями:

Припадок кончен.
Грусть в опале.
Приемлю жизнь, как первый сон ...
Метель теперь
Хоть чертом вой,
Стучись утопленником голым, —
Я с отрезвевшей головой . .,
Товарищ бодрым и веселым.

Страх, что социализм несет гибель поэзии, сменяется радостью, что у поэтов „свой закон”.

Цикл *Персидские мотивы* является шедевром есенинской лирики. Экзотические восточные краски даны поэтом в сочетании и в контрасте со скромной, но привлекательной красотой северной русской природы. Простота и ясность сравнений характерны для этого цикла, например:

Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
(Голубая родина Фирдуси ...)

В *Персидских мотивах* и историко-революционных стихотворениях и поэмах 1924 - 1925 гг. поэт начисто отказался от имажинистской образности. Поэма *Анна Снегина* является наиболее зрелым произведением не только по глубине раскрытия классовой борьбы в деревне, но и в художественном отношении. Сравнения занимают незначительное место в поэме, они в основном свойственны речи поэта и Анны, но придают особый лиризм произведению, например:

Я понял, что я — игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать.

Был вечер задумчиво чудный
Как дружья улыбка в лице.
Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна.

Так с творческим ростом Есенина в его поэзии претерпели изменения и сравнения.

В палитре изобразительных средств языка Есенина сравнение занимает особое место. Поэтическое сравнение — важный элемент авторской художественной системы. Сравнения используются для описания картин природы родного края и одновременно для раскрытия психологического состояния лирического героя, для выражения взглядов и мироощущения поэта.

Качественное изменение сравнений в стихотворениях Есенина свидетельствует о растущей с годами тщательности, поэтической, эстетической и идеологической зрелости, о большей требовательности к себе.

EVOLUTION OF COMPARISONS IN THE WORKS OF SERGEI JESIENIN

by

VIERA OBRAZTSOVA

Summary

The present article contains analysis of evolution of comparison in the poetry of Sergei Jesienin. Within means of expression of the poet's language, comparison occupies a very special place. It is an important element of the author's artistic system. The poet uses it in descriptions of nature of the native country, and at the same time they serve it to the revealing of thoughts of a lyrical hero and his manner of experiencing the world.

The development of Jesienin's poetry was accompanied by qualitative changes of his comparisons. If in his early poems comparisons are prevalent, whose source was the life of nature in its natural variety then the comparisons contained in the poems created during the last years of the author's life appeal to man's feelings, their characteristic features is a deep philosophical implied meaning.